

4. ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ В АМЕРИКЕ

/1927–1945/

Хотя пребывание в Праге оказалось связанным с расцветом научной деятельности Г. В. Вернадского, «американская мечта», зародившаяся у него еще в России, теперь в эмиграции всё прочнее овладевала его сознанием. Надежда на возможность скорого возвращения на родину не оправдалась. После 1924 г. международное положение СССР стабилизировалось. Средства на «русскую акцию», которые выделялись в Праге, начали сокращаться. Вместе с тем, никаких реальных возможностей для устройства в США не возникало.

Попытки М. М. Карповича, а затем М. И. Ростовцева заинтересовать американцев приглашением Г. В. Вернадского хотя бы на временную работу долгое время не давали результатов. Обсуждались разные варианты, включая «работу не по специальности». К тому же положение самого Карповича становилось все неопределеннее. Фрэнк Голдер попытался устроить его в Калифорнийский университет, «но там приглашение нового человека» было отложено, и Карпович сообщил, что будет «очень рекомендовать декану исторического факультета этого университета Л. Пейтоу (Paetow) пригласить Г. В. Вернадского. «Ты для них, – писал Карпович летом 1925 г., – был бы гораздо полезнее. За год ты сумеешь достаточно усовершенствоваться в английском. Если он поедет в Прагу, обязательно устрой так, чтобы он с тобой встретился».⁷⁰

О заинтересованности Вернадских в переезде в Америку говорит ответное письмо Карповичу от 24 июля 1925 г. «Не могу передать тебе, как мы тронуты... Но я боюсь, что эта жертва с твоей стороны, и что ты из-за меня отказываешься сам от университета и научных занятий... Хочу только сказать еще раз, что страшно, страшно тронуты твоим письмом и от всей души тебя благодарим. Буду изо всех сил заниматься английским языком».⁷¹

⁷⁰ М. Карпович – Г. Вернадскому, 24 июня 1925 г. Письма М. Карповича Г. Вернадскому. Публ. М. Раева //НЖ. 1992, кн. 188, с. 295-296.

⁷¹ Г. Вернадский – М. Карповичу, Париж, 24 июля 1925 г. //BAR. Karповich Papers. Box 3. В предисловии к публикации писем Карповича проф. М. Раев отмечал, что обнаружить ответы Вернадского в Бахметевском архиве не удалось. Цитируемый документ свидетельствует об обратном.

Время от времени появлялись и другие не очень определенные проекты возможного устройства в США. Так, 7 ноября 1926 г. Г. В. Вернадский писал, что через «Славянский институт» в Париже и «Французский институт» в Праге пришло предложение выставить его кандидатуру на должность профессора русской истории в одном из американских университетов. Уже в следующем письме Вернадский уточнял, что «приехавший сюда на несколько дней из Парижа профессор Эйзенман /через которого шло все это дело/» дал ему понять, чтобы он «не рассчитывал на профессию в Harvard'ском университете. В дальнейшем никакого ответа от проф. Эйзенмана Вернадский не получил, но с ним разговаривал Джон Крейн /секретарь Т. Масарика /, который поинтересовался, «могу ли я читать лекции по-английски и соглашусь ли я, если меня пригласят в американский университет. Я ответил, что соглашусь, а что по-английски надеюсь подучиться как следует /разговаривал с ним по-английски/. Он сказал, что рекомендует меня своему другу в Америке, который и просил его задать эти вопросы».⁷²

Все эти неопределенные разговоры и намеки могли свидетельствовать лишь о том, что в США обсуждалась идея приглашения специалиста по русской истории, но никакого конкретного предложения Вернадскому так и не было сделано. Более того, вплоть до 1927 г. его устройство в каком-либо американском университете представлялось мало вероятным. Показательно, что 2 марта 1927 г. М. И. Ростовцев, хотя и не исключал возможность устройства на работу в Америке, предупреждал: «Надеяться на то, что какой-нибудь университет пригласит Вас на кафедру, трудно», а о публикации книг «не может быть и речи», даже если представить рукопись на английском языке. «Я неоднократно рекомендовал Вас разным университетам. Пока ничего не вышло». Но есть и более реальная возможность, поскольку в США имеются стипендии и гранты /scholarships/, «которые открыты иностранцам». В этом случае за год можно было бы познакомиться с условиями жизни в США, овладеть языком, а, может быть, и устроиться на работу.⁷³

⁷² Г. В. Вернадский – М. М. Карповичу, 7 ноября 1926 г.; 5 января 1927 г. //ВАР. Карпович Papers. Вох 3.

⁷³ Письма М. И. Ростовцева Г. В. Вернадскому /Публикация Г. М. Бонгард-Левина, И. В. Тункиной/ //Скифский роман. Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. с. 520. Первое письмо по вопросу о приглашении ошибочно датируется 16 января 1927 г., хотя по содержанию очевидно, что оно написано не ранее лета этого года. Все другие письма, освещающие роль М. И. Ростовцева в переезде Г. В. Вернадского в США, опубликованы

Всего через два дня ситуация круто изменилась. М. И. Ростовцев запросил конкретную информацию, необходимую для решения вопроса о приглашении Георгия Владимировича в Йел и сообщил даже о конкретных условиях приглашения: «Если Вы склонны попробовать Ваше счастье здесь в Америке, – пишет Ростовцев, – сообщите мне: 1/ Ваш curriculum vitae; 2/ насколько хорошо Вы знаете английский язык; 3/ согласились бы Вы приехать на год в Америку на очень скромных условиях как instructor /инструктор/ в Graduate School /аспирантура/ нашего университета с жалованием в 1500 долларов и с оплатой переезда и с приглашением на один год, без всяких дальнейших обязательств со стороны университета. Все это я спрашиваю Вас предварительно и без малейшей уверенности, что удастся что-либо сделать в этом году». ⁷⁴

По всей видимости, однако, у М. И. Ростовцева имелись уже серьезные основания рассчитывать, что его представление увенчается успехом. Во всяком случае 9 июня 1927 г. в письме из Рима он сообщил, что еще до его отъезда в Европу на заседании членов Graduate school вопрос о приглашении Г. В. Вернадского на упоминавшихся ранее условиях был решен положительно и осталось только получить утверждение “Corporation”, т. е. комитета, так сказать, владельцев университета. На это приглашение в Йеле смотрят как на пробу. «Никто не сомневается, – писал Михаил Иванович, – в Вашей научной и преподавательской компетенции. Все сознают, что в этом смысле у Вас мало соперников среди русских ученых среднего возраста. Но имеются и другие соображения. Насколько быстро и насколько хорошо Вы усвоите английский язык. Это первый и самый трудный вопрос. Насколько Вы сумеете приспособиться к весьма своеобразной жизни американского у/ниверсит/ета, особенно Yale’a... Насколько Вы придетесь по вкусу студентам и коллегам».

Чтобы облегчить Вернадским переезд в США и помочь им приспособиться к новым условиям жизни, Ростовцев предложил на первое время /до начала занятий/ остановиться в его квартире. Кроме того, основываясь на собственном опыте работы

без существенных погрешностей. См. BAR. G. Vernadsky Papers. Box 7. Вопрос о приглашении Вернадского в Йел довольно подробно освещен голландцем М. А. Весом, но английские переводы писем М. И. Ростовцева сделаны им весьма вольно (Wes M. A. Michael Rostovtzeff. *Historian in Exile. Russian Roots in an American Context.* Stuttgart, 1990, p. 73-78).

⁷⁴ Скифский роман. с. 521; BAR. Vernadsky Papers. Box 7.

в США Ростовцев дал несколько важных советов. Помимо чтения для небольшой группы студентов вступительного курса по русской истории от Вернадского ожидают активной работы в библиотеке, включая приведение в порядок и пополнение ее русского отдела. Особое внимание Михаил Иванович рекомендовал обратить на публикацию работ в ведущих американских журналах, выступить на съезде Американской исторической ассоциации и подготовить статью для “American Historical Review” о том, что сделано в области русской истории за последние 25 лет, а для “American Journal of Archeology” написать о русском и византийском искусстве. Одновременно М. И. Ростовцев рекомендовал подумать о публикации на английском языке очерка русской истории.

Из письма Г. В. Вернадского родителям от 23 июля 1927 г. видно, что в этот день утром он вместе с женой посетил американского консула в Праге и показал полученное им «письмо президента Yale University» /в то время им был James Rowland Angell – Джеймс Роуланд Энджелл/. Его заверили, «что, конечно, поставят визу без всяких разговоров», но он «должен только еще представить свидетельство», что «по крайней мере за два года до дачи визы» он уже состоял где-либо профессором. Далее Г. В. Вернадский продолжал: «Тогда я пошел в Cunard Line /пароходная компания – Н.Б./ и дал задаток за каюту на Аквитании /посылаю ее портрет/ на 13 августа из Шербура. Значит Ростовцева в Европе не увижу, думаю, что это ничего. Буду писать ему сейчас».⁷⁵

Документов для американского консульства потребовалось довольно много, и Вернадские даже опасались, что не успеют своевременно выкупить билет.⁷⁶ В конечном счете все обошлось, и они благополучно отправились в Америку.

Инициатор приглашения М.И.Ростовцев, получив известие о предстоящем отъезде Вернадских в США, хотя и сожалел, что встреча в Мюнхене не состоится, очень радовался тому, что они уезжают даже раньше, чем предполагали. «Главное для Вас теперь английский язык. От этого зависит если не всё, то почти всё» и подтверждал далее свое предложение жить до 1 октября в его квартире в Нью-Хейвене. Декану исторического факультета профессору Чарльзу Сеймуру Михаил Иванович советовал написать из Праги, поблагодарить за приглашение и попросить указаний на время до начала занятий. «К Президенту мы пойдем вместе, когда я вернусь», – писал заботливый наставник и рекомендовал своему протеже «всё время

⁷⁵ Г. В. Вернадский – родителям, Прага, 23 июля 1927 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230.

⁷⁶ Г. В. Вернадский – родителям, 28 июля 1927 г. Ibidem.

заниматься языком. Читать исключительно английские книги», писать «лекции по-английски /не переводить с русской рукописи, а писать сразу по-английски/».⁷⁷

Надо сказать, что 1927 г. в американской русистике стал переломным. С весеннего семестра в Гарвард вместо ставшего священником Лорда А. К. Кулидж пригласил в совершенстве владевшего английским языком М. М. Карповича. Ещё ранее в 1926 г. в Нью-Йорк из Лондона переехал М. Т. Флоринский, который связал дальнейшую жизнь с Колумбийским университетом. Наконец, осенью 1927 г. приступил к работе в Йельском университете и Г. В. Вернадский. Тем самым были созданы предпосылки для будущего /правда, еще очень далекого/ расцвета русистики в Соединенных Штатах.⁷⁸

Благодаря содействию профессора Голдера Г. В. Вернадский был приглашен участвовать в неформальных встречах американских историков, которые проводились редактором журнала “American Historical Review” Дж. Джеймсоном. В этих дружеских встречах (Convivium Historicum) участвовало около двух десятков видных историков, которые в неофициальной обстановке обсуждали свои профессиональные вопросы. Естественно, что это помогло Георгию Владимировичу освоиться в стране, которая в дальнейшем стала его новой родиной.⁷⁹

Уже в конце 1927 г. Г. В. Вернадский предложил издательству Йельского университета опубликовать «Очерк русской истории» (Outline of Russian History), представив «некоторые предварительные соображения» и другие материалы. В издательстве отнеслись к этому предложению положительно, хотя и настояли на изменении названия – вместо «Очерка» было решено назвать будущую книгу «История России».⁸⁰

⁷⁷ М. И. Ростовцев – Г.В.Вернадскому. Рим. /август 1927 г./ //Скифский роман, с. 522-523.

⁷⁸ Byrnes R. F. *Awakening American Education to the World: The Role of Archibald Cary Coolidge, 1866-1928*. Notre Dame-London, 1982, p. 108. Подробнее о роли М. М. Карповича, Г. В. Вернадского и М. Т. Флоринского в развитии американской русистики см.: Болховитинов Н. Н. Роль русских историков в становлении русистики в США //Вопросы истории, 2001, № 4, с. 3-20.

⁷⁹ Halperin Ch. J. *Op. cit.*, p. 76-77. Американское гражданство супруги Вернадские получили в 1933 г.

⁸⁰ См. У. Дейвис – Г. В. Вернадскому, 9 декабря 1927 г. и сопутствующие материалы //BAR. Vernadsky Papers. Box 80.

Несмотря на переезд в США Г. В. Вернадский сумел сохранить и даже расширить связи с европейскими коллегами и особенно со своими родителями. Владимир Иванович всегда интересовался и направлял исследования сына, читал его работы, давал советы, делал конкретные замечания. Так, сообщая в октябре 1927 г. о получении книги «Начертание русской истории», Владимир Иванович предупреждал: «Конечно, ты встретишь большую критику, но во всяком случае я думаю, что книга нужна и полезна. К сожалению, она все же не могла быть достаточно отработана – постарайся внимательно пересмотреть английское издание. Трудность разделения внешней и внутренней истории чрезвычайно сказывается и мешает архитектонике». Отец полагал, что нет беды в том, что у Георгия в Йеле нет студентов. «Я считаю самым главным для тебя, существенным, жизнь в новой обстановке в стране, куда быстро переносится центр человеческого творчества».⁸¹

Менее чем за год сын сумел подготовить для издательства Йельского университета рукопись однотомника по русской истории. Весной 1928 г. Георгий сообщал своим родителям: «Книга моя теперь уже почти кончена, за исключением некоторых мелочей. Половина уже переведена на английский язык. Надеюсь, что удастся благополучно закончить... Мне советуют ещё дать кому-нибудь пересмотреть перевод, а то все-таки русский его делал».⁸²

По сравнению с «Начертанием русской истории» это была в общем новая работа. Хотя автор не отказался от евразийской концепции и снабдил книгу картой, где обозначил естественные зоны Евразии /тундра, лес, степь, пустыня/ как «месторазвитие» русского народа, он существенно переработал свои первоначальные взгляды. Значительную помощь в подготовке книги оказал М. М. Карпович, а также издательский редактор М. У. Дейвис /английский перевод был сделан Г. А. Неболсиным/. Основное изложение русской истории было доведено до второй половины 1920-х годов, а в заключении Г.В.Вернадский писал о трудностях, с которыми СССР столкнулся в 1928 г. Наконец, в приложениях он специально останавливался на развитии в стране науки и образования, состоянии церкви, а

⁸¹ В. И. Вернадский – сыну, 23 октября 1927 г.//BAR. Vernadsky Papers. Box 12. Владимир Иванович регулярно пересылал сыну книги по истории, особенно издававшиеся Академией наук, а также получал работы Георгия и труды американских ученых по естественным наукам.

⁸² Г. В. Вернадский – родителям, 18 апреля 1928 г.//BAR. Vernadsky Papers. Box 230.

также тяжелом положении русских эмигрантов за рубежом.⁸³ Книга была снабжена подробной библиографией, которая свидетельствовала о хорошем знакомстве автора как с русской, так и иностранной литературой на основных европейских языках.

Особое значение книге Вернадского придало лестное предисловие М. И. Ростовцева, в котором указывалось: «Большинство видных русских ученых не обращает внимания на выдающийся факт в истории России, – с географической и культурной точки зрения Россия, тесно связанная с Центральной Европой, в ещё большей степени связана со значительной частью Азии и ее своеобразным культурным развитием. Мы не должны забывать, что на протяжении веков своей ранней истории Россия оставалась составной частью обширных и могущественных азиатско-иранских и монгольских империй, и что Россия возникла как одно из европейских государств после долгого и тесного сожительства с монгольскими племенами и после долгой и трудной борьбы с ними, и что Россия до сих пор территориально занимает значительную часть Азии. Без сомнения, Россия преуспела в частичном поглощении и частичной европеизации многих азиатских племен. Однако возникает вопрос как велик вклад этих племен в особенности развития самой России?», - задавал вопрос крупнейший авторитет по древней истории и полагал, что предпринятая Вернадским попытка может в будущем привести к важным и длительным результатам.⁸⁴

Сразу же после выхода книги несколько экземпляров через издательство было отправлено в самые неотложные места, в частности в Прагу /президенту Масарику, сестре Нине, *Seminarium Kondakovianum*, секретарю юридического факультета П. А. Остроухову, а также П. Н. Савицкому, «которого должно порадовать предисловие М. И. Ростовцева»⁸⁵ Разумеется, «История России» была направлена и В. И. Вернадскому, который дал книге высокую оценку, подчеркнув, что «она очень интересна, нова и оригинальна», хотя «в английском языке чувствуется иностранец». Показательно также, что Владимир Иванович специально отметил: «Эта книга гораздо лучше твоей русской».⁸⁶

⁸³ Vernadsky G. A History of Russia. New Haven: Yale University Press, 1929, p. 4 (Natural Zones of Russia), 334-337 (Заключение), 338-343 /Приложения/.

⁸⁴ Vernadsky G. Op. cit. Preface by M. I. Rostovtzeff. P. X-XI.

⁸⁵ Г. В. Вернадский – Н. В. Толь, 25 мая 1929 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 228.

⁸⁶ В. И. Вернадский – сыну, 3 июля 1929 г. // Пять «вольных» писем В.И.Вернадского сыну. Публикация К. К. //Минувшее, 1989. Париж, № 7, с. 425. Автограф см. BAR. Vernadsky

Благожелательный прием книга получила и в американской исторической периодике. Ведущий американский славист Роберт Кернер /Калифорнийский университет, Беркли/ рекомендовал «Историю России» как одну из лучших и наиболее полезных работ по данной теме. Автор рецензии специально отметил, что вторая часть книги, посвященная периоду от революции 1905 г. и до 1928 г. представляет собой «лучший и наиболее объективный рассказ, появившийся в печати к настоящему времени», а поскольку он написан пером русского эмигранта, «это говорит о его таланте, как историка». ⁸⁷ Вполне удовлетворено было и издательство Йельского университета, которое известило автора, что учитывая, что тираж книги к осени 1929 г. практически разошелся, оно планирует допечатку и предполагает в ближайшее время представить список мест, где преподаватели используют книгу в качестве учебника. ⁸⁸

Уже в следующем году вышло новое исправленное и дополненное издание (Second edition, revised, 1930), а после Второй мировой войны книга стала использоваться в качестве учебника не только в США, но и была переведена в Голландии /1947/, Аргентине /1947/ и Японии /1954/. К сожалению, в России книга Г. В. Вернадского была опубликована только в 1997 г. в переводе с последнего 6 издания учебника (G. Vernadsky. A History of Russia. Sixth rev. ed. New Haven: Yale Univ. Press, 1969). ⁸⁹

В целом, публикацию «Истории России» следует признать самым важным и удачным шагом после переезда ученого в США. Воодушевленный успехом он сразу же после летнего отдыха в 1929 г. с большим энтузиазмом принимается за работу – занимается подготовкой лекций, пишет первые рецензии для американских журналов и т. д.

Если с подготовкой научных работ у Г. В. Вернадского с самого начала всё обстояло благополучно, то гораздо труднее ему давалось преподавание. Лишь спустя 5-6 лет после приезда в США к нему записалось, наконец, достаточно слушателей, чтобы приступить к чтению заявленных курсов. «Теперь выясняется, –

Papers. Box 12. /журнальная публикация осуществлена очень тщательно и погрешностей при сверке по оригиналу не обнаружено/.

⁸⁷ The American Historical Review (далее – AHR) Vol. 35. № 3. 1930, p. 621-622 (Robert J. Kerner).

⁸⁸ Н. В. Доналдсон – Г. В. Вернадскому, 12 сентября 1929 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 80.

⁸⁹ Вернадский Г. В. Русская история. М., АГРАФ, 1997. 554 с.

писал Вернадский в октябре 1932 г., – что все мои курсы состоятся, т. к. появился еще graduate student /притом знающий немного русский язык/, который записался и на modern /новую и на medieval Russia /средневековую Россию/. Т/аким/ о/бразом/ работы будет много и по преподаванию. На курс для undergraduates /последнего курса/ записалось ещё два и т/аким/ о/бразом/ комплект в 14 человек, установленный для этого курса, заполнен» Год спустя он с удовлетворением сообщал: «Занятия мои в университете идут полным ходом. По-видимому, мой курс для undergraduate пользуется успехом, и в связи с этим я чувствую, что мое положение в Yale'е упрочилось. На днях я видел декана, который сказал, что я могу быть совершенно спокойным, что приглашение мне, конечно, будет возобновлено».⁹⁰ /Напомним, что приглашение первоначально было сделано на один год, и ежегодно требовалось его продление. Вернадский продолжал именоваться простым научным сотрудником по истории Йельского университета; / research associate in history in Yale University/.

Весьма успешно у Вернадского происходило знакомство с новой для него областью – историей Соединенных Штатов. В сфере его внимания оказались наиболее важные работы американских историков и, в частности, знаменитая работа Фредерика Джексона Тернера.⁹¹ Не удивительно, что книга Ф. Д. Тернера, которая была получена из библиотеки Дартмутского университета, возбудила «много сопоставлений с русской историей».⁹² Напомним, что самые первые печатные работы Г. В. Вернадского были посвящены движению России на восток, «Против солнца».

Неделю спустя Г. В. Вернадский сообщал: «читаю сейчас /помимо Ленина/ две интересные книги по истории США /двухтомник Бирдов⁹³ и New View Points in American History А. М. Шлезингера/. «Они очень интересны и блестяще написаны, причем оба склоняются к точке зрения экономического материализма – мне всё же кажется, что тут многие переживают вновь, что у нас по существу отжито. Вместе с

⁹⁰ Г. В. Вернадский – отцу, 7 октября 1932 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230; Г. В. Вернадский – родителям, 8 октября 1933 г. // Ibidem.

⁹¹ Turner F.J. The Frontier in American History. New York, 1920.

⁹² Г.В.Вернадский – родителям, 3 июля 1929 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230.

⁹³ Beard Ch. A. and M. B. The Rise of American Civilization. In 2 volumes. N.Y., 1927; Turner F.J. The Frontier in American History. N.Y., 1920.

тем, однако, многое в этих книгах очень интересно и много дает для понимания американской жизни».⁹⁴

Если знакомство с трудами ведущих американских историков вполне понятно, то чтение сочинений В. И. Ленина нуждается в дополнительном объяснении. На собственном опыте познакомившись с жизнью России в период Октябрьской революции и гражданской войны, Г. В. Вернадский покинул родину убежденным противником большевистского режима. Вместе с тем, он хотел разобраться в том, что произошло и почему большевикам удалось не только захватить, но несмотря на все трудности, укрепить свою власть над огромной страной. Отец историка одобрил тему Ленина, но высказал ряд своих соображений по этому поводу. «Вообще этот человек совершил – в короткую жизнь – колоссальные изменения в жизни страны. Играла большую роль воля; были конечно и благоприятные обстоятельства /в том числе отсутствие равноценных противников/ – но и личность сыграла роль – личность организатора». И далее: «Сергей /речь идет о Непременном секретаре Академии наук Сергее Федоровиче Ольденбурге – Н.Б./ – не только в печати, но и в частных беседах считает, что Л/енин/ резко отличался от окружающих госуд/арственников/ умом и что не будь его, научные и художественные ценности – и люди – и не сохранились бы и революция явилась бы еще более разрушительной».⁹⁵

Используя мысль самого Георгия Владимировича можно сказать, что согласившись после беседы с Лениным в 1917 г. остаться на посту непрямого секретаря Российской академии наук С. Ф. Ольденбург, как некогда Александр Невский, совершил подвиг смирения. В результате, до 1929 г. ему удалось сохранить Российскую академию наук в прежнем виде, без большевистской реорганизации, хотя в русской эмиграции на него свалилась куча обвинений в соглашательстве с преступной властью.

Подготовить серьезное исследование о В. И. Ленине Вернадскому, однако не удалось. В сравнительно короткий срок он написал небольшую книгу «Ленин – красный диктатор», а затем общий очерк о русской революции 1917-1932 гг.⁹⁶ В

⁹⁴ Г. В. Вернадский – родителям, 10 июля 1929 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230.

⁹⁵ В. И. Вернадский – Г. В. Вернадскому, 10 августа 1929 г. //Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну..., с. 444-445.

⁹⁶ Vernadsky G. Lenin, Red Dictator. New Haven: Yale University Press, 1931. VII+331 p.; The Russian Revolution, 1917-1932. New York, 1932. VIII+133 p. Подготовку этих работ

1998 г. издательство «АГРАФ» перевело «Красного диктатора» на русский язык, отметив, что «в ней представлен объективный взгляд Вернадского на роль В. И. Ленина в истории развития нашего государства». ⁹⁷ И хотя в книге имелись фактические неточности, включая ошибки в переводах ленинских текстов, сам автор действительно стремился избежать субъективизма и предвзятости. Приведем хотя бы общую оценку деятельности В. И. Ленина, которая дается в конце книги: «Если бы Ленин умер зимой 1920-1921 гг., многие могли бы сказать, что несмотря на... энергичную деятельность, результатом его руководства страной была экономическая катастрофа. Лишь Новая экономическая политика принесла ему популярность – не только среди рабочих, но и среди крестьян...

Новая волна военного коммунизма, которая стала подниматься с конца 1927 г., привела к новому витку борьбы в России /в городе и в деревне/... Будущая роль ленинизма в России и во всем мире зависит поэтому от той судьбы, которая ожидает коммунистическое правительство в России. От этого также зависит историческая оценка личности и политического руководства Ленина». ⁹⁸

В конце 1920-1930-х годов Вернадский довольно широко печатается не только в США, но и в Европе, в частности в Чехословакии, Германии и Франции. Его работы появлялись в *Seminarium Kondakovianum*, vol. I (1927), III (1929), IV (1931), *Historische Zeitschrift*, Bd. CXXXV (1927), *Le Monde slave*, vol. IV (1934) etc. В 1934 г. в Берлине вышел «Опыт истории Евразии», а в Брюсселе – «Звенья русской культуры», написанные в соответствии с евразийской концепцией истории России. Тем не менее, приспособление Г. В. Вернадского к условиям жизни и преподавательской работы в США шло медленно и трудно.

В 1933 г. Вернадский получил приглашение сделать доклад на одном из заседаний годового собрания Американской исторической ассоциации в Урбане /Иллинойс/. В программе годового собрания было запланировано заседание русской секции, где Вернадский должен был сделать доклад о развитии промышленности при Петре I. «Это очень почетное приглашение», – писал Вернадский, хотя приехать в Урбану в материальном отношении было очень трудно

облегчило приглашение провести лето 1930 и 1931 г. в Гуверовском институте (The Hoover Institution), новым директором которого после смерти проф. Голдера стал Гаролд Фишер. См.: Halperin Ch. J. Op. cit., p. 78.

⁹⁷ Вернадский Г. Ленин – красный диктатор. М., 1998, с. 2 /оборот титула/.

⁹⁸ Вернадский Г. Ленин – красный диктатор., с. 309-310.

/Урбана находится далеко от Нью-Хейвена на Среднем Западе/. Готовясь к докладу Вернадский пришел к неожиданным для себя выводам, которыми сразу же поделился со своим отцом: «Выходит так, что к концу царствования Петра производство чугуна в России только на казенных заводах /14.000 английских тонн/ почти равнялось всему производству чугуна в Великобритании /18.000 тонн/, а общее производство чугуна в России – 107.010 англ. тонн /казенные и частные заводы/ было в несколько раз больше английского!...» До конца XVIII в. по производству чугуна Англия не могла обогнать Россию, и только в XIX в., «в эпоху Николая I Россия безнадежно отстала – видимо, тут сказались и запоздание с постройкой железных дорог, и общая апатия».⁹⁹

Остается только добавить, что в конце XVIII – начале XIX вв. железо составляло одну из основных статей русского экспорта в Соединенные Штаты. Даже после начала массового использования каменного угля и строительства железных дорог высококачественное русское железо на древесном угле продолжало цениться на мировом рынке.

Сразу же после возвращения в Нью-Хейвен Вернадский писал, что своей поездкой на съезд Американской исторической ассоциации в Шампейн-Урбану /Иллинойский университет/ оказался «очень доволен», хотя практически в смысле устройства на работу не приходилось и думать, «т. к. все жалуются на продолжающуюся депрессию, сокращение университетских бюджетов и советуют держаться за то место, которое есть. Доклад мой, по-видимому, был выслушан со вниманием, – отмечал Вернадский и продолжал, – Потом многие ко мне подходили и говорили, как им понравился мой доклад, и задавали разные вопросы. Я познакомился ближе с некоторыми историками, которых прежде мало знал, напр/имер/ Harper'ом /Чикаго/ и Robinson'ом (Columbia University)».¹⁰⁰

Несмотря на регулярную публикацию научных работ и удачное выступление на съезде Американской исторической ассоциации в конце 1933 г., положение Вернадского в США оставалось трудным и сложным. С искренней горечью Г.Вернадский писал в январе 1934 г. родителям, что никак не может получить

⁹⁹ Г. В. Вернадский – родителям, 8 октября 1933г., Г. В. Вернадский – В. И. Вернадскому, 24 декабря 1933 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230.

¹⁰⁰ Г. В. Вернадский – родителям, 31 декабря 1933 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230. В 1934 г. Статья Вернадского о русской промышленности при Петре I была опубликована во Франции. “L’industrie russe sous Pierre le Grand //Le Monde slave, n.s., IV (1934), p. 283-99.

настоящего признания в Йеле: «Всё-таки, по правде говоря, возмутительно, что здешний университет не хочет меня обеспечить как следует, принимая во внимание всю мою научную работу. Но сейчас из-за кризиса, всё продолжающегося, нечего и думать о переходе в другой какой-нибудь университет, а здешние заправила этим пользуются, эксплуатируя мой труд». Жалуюсь, что ему очень досадно, что он «так плохо в Америке устроился в смысле материальном», Вернадский сообщал, что в ближайшее время собирается главное внимание обратить «на усовершенствование своего англ/ийского/ языка, чтобы быть в состоянии говорить и читать совершенно свободно. До сих пор мне очень мешало, что всё время приходилось писать по-русски, но теперь это слава Богу кончилось /т. е. такая спешная работа/. Мне хочется настолько усовершенствовать англ/ийский/ язык, чт/об/ я мог без всяких усилий и читать публичные лекции, и подрабатывать журнальной работой». Но даже в это тяжелое время ученый не терял веры в конечный успех: «Твердо верю, что в конце концов выбьюсь, но досадно, что всё это так пока складывается». ¹⁰¹

С большим опозданием в Америке получали признание и русские ученые, давно уже успешно работавшие у себя на родине. «Удивляет меня, - писал Вернадский в связи с празднованием 300-летия Гарварда, – что они /никого/ не пригласили из Советского Союза, хотя говорят все время, что наука не должна подчиняться расовым и политическим перегородкам... Кажется, единственный русский там – М. И. Ростовцев. Но думая о том, кого могли и должны бы они пригласить из Советского Союза, я перебираю много имен естествоиспытателей и ориенталистов, а историков, славистов, классиков – так мало осталось /авторитетных/. Какое всё-таки ужасное опустошение произошло... как безжалостно уничтожено поколение русских историков и славистов!» - справедливо возмущался Вернадский, но вместе с тем чувствовал, что «русская историческая наука оправляется от разгрома» и приходил к выводу: «Невероятна всё-таки живучесть русского народа». ¹⁰²

К 1935 г. Вернадский сумел так овладеть языком, что подготовил свою очередную книгу о политической и дипломатической истории России уже на английском. Затем его ближайший друг Миша Карпович «необыкновенно мило» предложил еще раз прочитать весь текст и сделал много полезных замечаний «и по существу, и в смысле языка». Находясь в США с 1917 г., Карпович давно уже

¹⁰¹ Г. В. Вернадский – родителям, 20 января 1934 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230.

¹⁰² Г. В. Вернадский – родителям, 17 сентября 1936 г. //Ibidem.

овладел английским языком в совершенстве. «Очень он талантливый человек!» – приходил к заключению Вернадский.¹⁰³ В предисловии к книге он благодарил за помощь многих своих коллег в Европе и США М. И. Ростовцева, С. Кросса, П. Н. Савицкого и др.¹⁰⁴ Но больше всего он, конечно, был обязан «всеми своими интересами и всей своей научной деятельностью» отцу – Владимиру Ивановичу Вернадскому.¹⁰⁵

Автор книги поставил перед собой двоякую цель. «С одной стороны, он попытался дать изучающему русскую историю основательное изложение наиболее важных сторон русской политики, начиная с самого раннего периода и до современности», а с другой – «подчеркнуть определенную фундаментальную общность исторического процесса России, что сделало современную русскую политику лишь продолжением векового развития».¹⁰⁶

В значительной степени новая книга развивала евразийскую концепцию, борьбу леса со степью, геополитические предпосылки выхода России к ее естественным границам и т. д. По мнению автора, достигнув своих естественных границ Россия в XIX в. в основном была заинтересована в сохранении status quo, а не в присоединении новых территорий. «Чистым империализмом» историк считал только авантюру с Порт-Артуром, но это и привело страну к катастрофическим результатам. Основные цели русской дипломатии во внешней политике на протяжении нескольких веков продолжались и советским правительством. Со времени формирования Московского царства русский царь рассматривался как «протектор церкви». После революции «марксизм занял место христианства в качестве официального руководящего принципа», и от народа требовалось такое же послушание как при новом, так и при старом режиме.¹⁰⁷

Новая работа Вернадского вызвала смешанную реакцию. Джеймс Баниан (Bunyan) опубликовал разносную рецензию, утверждая, что в такой форме книгу вообще публиковать было нельзя. Завязалась полемика.¹⁰⁸ С другой стороны,

¹⁰³ Г. В. Вернадский – родителям, 3 ноября 1935 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230.

¹⁰⁴ Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia. Boston, 1936, p. VI.

¹⁰⁵ Г. В. Вернадский – родителям, 4 ноября 1935 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230.

¹⁰⁶ Vernadsky G. Political and Diplomatic History... , p. V.

¹⁰⁷ Ibid., p. 5, 6, 9, 11, 15.

¹⁰⁸ См. AHR. Vol. 42. № 4 (June), p. 708-709 (James Bunyan); Yale Review. Vol. 23, № 1, p. 183-184 (M. M. Karpovich); AHR. Vol. 43. N3, p. 486-488 (James Bunyan).

«Политическая и дипломатическая история России» сразу же понравилась Борису Александровичу Бахметеву, который полагал, что ее «неприменно надо издать по-русски» и в значительно более расширенном виде. «Мне будет предоставлена возможность, – сообщал Георгий отцу в сентябре 1936 г., – расширить и переработать мою книгу и издать ее в трех томах с подробной библиографией. Деньги на издание первого тома /который я хочу довести до середины XV века/ мне будут ассигнованы в конце 1937 года...» В 1938 и 1939 гг. предполагалось выделить средства на издание II и III томаов. После выхода работы на английском языке у Вернадского «было какое-то досадное чувство, что книга всё-таки не доработана». Теперь автор надеялся добавить материал «по местной и окраинной истории. В отдел Киевской Руси хочу ввести историю отдельных княжеств, то же для Литовского периода,... хочу подробнее разработать концепцию казачества, а также русской экспансии на Восток».¹⁰⁹

Осуществить издание трехтомной работы на русском языке можно было только в Европе, но приближалась война, и возможность публикации становилась все более мало вероятной. В конечном итоге тот же Б. А. Бахметев предложил Вернадскому и Карповичу подготовить при финансовой поддержке Гуманитарного фонда в Нью-Йорке фундаментальную историю России на английском языке в 10 томах. Первые шесть томов, посвященные русской истории до конца XVIII века, должен был написать Г. В. Вернадский, а оставшиеся четыре, от начала XIX до начала XX века, предполагал написать М. М. Карпович. Примерно в это же время Вернадский издал популярную биографию Богдана Хмельницкого и написал предисловие к однотомной истории Украины известного украинского историка Михаила Грушевского.¹¹⁰ Рецензируя биографию Хмельницкого на страницах ведущего американского исторического журнала Джон Кертис дал книге вполне положительную оценку, хотя и отметил излишнюю симпатию автора к украинскому гетману.¹¹¹ В дальнейшем исследователи обратили внимание, что автор обошел

¹⁰⁹ Г. В. Вернадский – отцу, 8 сентября 1936 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 230.

¹¹⁰ Vernadsky G. V. Bogdan, Hetman of Ukraine. New Haven, 1941; Hrushevsky M. A History of Ukraine. Ed. By O. J. Fredericksen. New Haven, 1941, (preface by Vernadsky, p. V-XIV).

¹¹¹ American Historicak Review, vol. 48, № 2 (January 1943), p. 316-317. Благожелательную рецензию на биографию Б.Хмельницкого опубликовал М.Карпович (Yale Review, vol. 31, № 2, Dec. 1941, p. 424-427) и Ф. Мозли (Slavonic and East European Review, American ser., vol. 2, p. 269-270).

молчанием еврейские погромы и другие акты насилия, которые совершались при гетмане на Украине.¹¹²

Главным для Вернадского после начала войны в Европе оставалось, конечно, написание многотомной истории России. В предисловии к первому тому авторы этого грандиозного проекта, каждый из которых преподавал историю России в Гарварде и Йеле около 15 лет, были «весьма воодушевлены тем, что в последние годы русские исследования пустили в этой стране прочные корни и сделали здесь значительные успехи» и выражали в этой связи надежду, «что настоящая попытка развернутого рассмотрения целостного курса исторического развития России будет отвечать подлинной потребности как специалистов, так и широкого круга читателей».¹¹³

Работа Вернадского охватывала историю народов, населявших Евразию, с древнейших времен до образования Киевской Руси и основывалась на знании источников и литературы не только на европейских, но и на восточных языках. Выход книги стал переломным и в научной деятельности Вернадского. С этого времени и до конца жизни он с редким упорством и последовательностью трудился над публикацией последующих томов фундаментальной «Истории России».

«Древняя Русь» оказалась долгожданным подарком для его отца, который сообщал: «С большим удовольствием прочел я твою книгу... Очень хорошо, что ты подчеркнул работы Ростовцева как Вашего предшественника, так как вопрос о Евразии имеет другую свою доисторию, то мне кажется, что следовало бы указать более точно, что это – Евразия не та, о которой ты говорил раньше в своей научной работе. Мне кажется, что физико-географические карты сейчас устарели. Знаешь ли ты работу Л. С. Берга?... Я просил Берга указать мне основную литературу по физико-географическим условиям - зональностям. Для меня ясно, что ноосфера есть планетное явление и исторический процесс, взятый в планетном масштабе, есть тоже геологическое явление. Я увидел из твоей книги., что ты овладел в нужной для тебя степени восточными языками и больше, чем прежде».¹¹⁴

В этом же письме Владимир Иванович писал, что новой книгой Георгия интересовались Б. Д. Греков, А. И. Яковлев и другие известные специалисты по ранней истории России «Мне кажется, – продолжал В.И.Вернадский, – что он /речь

¹¹² Halperin Ch. J. Op. cit., p.160.

¹¹³ Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven: Yale University Press, 1943, p. VI.

¹¹⁴ В. И. Вернадский – сыну, 11 апреля 1944 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 12.

шла об А. И. Яковлеве – Н.Б./ тебе послал свою книгу, вышедшую перед самой войной: «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» Т.1. Я ее уже кончаю, и если ты ее не имеешь, я тебе перешлю свой экземпляр. Перед моим отъездом из Уского в октябре он прочел нам небольшой доклад о Смутном времени. Блестящий. Я вспомнил Ключевского».

Как обычно, в письме сообщались академические новости. На февральской сессии Академии В. П. Волгин сделал доклад об огромной работе в историческом отделении, Э. В. Грабарь о «немецких варварствах в Петергофе». Особо заинтересовал В. И. Вернадского доклад молодого члена-корреспондента В. Н. Лазарева, «который показал последние реставрированные иконы Псковской живописи времен государственной свободы Пскова. На меня эти иконы произвели огромное впечатление».¹¹⁵

Следует сказать, что исторические и политические взгляды Г. В. Вернадского не оставались неизменными. Если первоначально он абсолютно не принимал советский строй и в отличие от М. М. Карповича считал невозможным какое-либо сосуществование с новым режимом, то во время Второй мировой войны его позиция существенно меняется «Только теперь, после того как Россия на протяжении почти трех лет выдержала ужасное испытание кровью и огнем, мы стали кое-что понимать относительно ее действительной силы. Мы можем одобрять или не одобрять методы, которыми Россия управляется. Но любая оценка советской системы должна основываться на честной и реалистической попытке подойти к России без какого-либо пристрастия. Взяв власть под лозунгом мировой революции, советские лидеры позднее перешли к политике «построения социализма в одной стране».¹¹⁶ И далее в конце книги: «Никакого изменения в основных принципах советской системы ожидать не приходится. Советский социализм – государственное управление как промышленности, так и сельского хозяйства – доказавшие свою действенность в войне, по всей видимости, останутся в силе. Однако... это не означает неизбежность конфликта с капиталистическими странами».¹¹⁷

По мере приближения окончания войны с новой силой возродились планы В. И. Вернадского о переезде в США к своим детям и любимой внучке Танечке. 19 января 1944 г. Владимир Иванович писал: «Уже близко весна, и я начинаю

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Vernadsky G. A History of Russia. New rev. edition. N.Y., 1944, p. V.

¹¹⁷ Ibid., p. 493.

хлопотать о переезде моем к Вам. Мне скоро 81 год и я вчерне заканчиваю мою книгу, над которой работаю с 1940 г.: «О химическом состоянии биосферы и ее окружения». Её надеюсь закончить у тебя. Она будет в трех частях, из которых первая и вторая вчерне закончены, в третьей последняя глава о ноосфере не написана... В большой книге своей, которую я хочу кончить перед уходом из жизни у тебя около Бостона, я даю пересмотр эмпирических основ геологии и живого вещества. Это – моя последняя работа научного характера, продолжающаяся более 60 лет без перерыва. Я хочу взять с собой приводящийся мною сейчас в порядок мой архив, в котором я дохожу до XVII... Таничкины предки идут, вероятно, еще дальше в средние века».¹¹⁸

Надо сказать, что в последних письмах Владимира Ивановича содержалось много интересных мыслей о положении в России, да и во всем мире, некоторые из которых нельзя не процитировать. Любопытно, что наряду с замечаниями о желании переехать в Америку и жить вместе с детьми весной 1944 г. Владимир Иванович выражал также желание, чтобы Георгий «увидел новую Россию в ближайшее время. Я думаю, что если бы у нас был царь, то нашествие немцев кончилось бы иначе... Огромный сдвиг. Не только среднее, но и высшее образование действительно всем. Все – грамотные, всем желающим доступна высшая школа. Правда, она понизилась уровнем, но это – преходящее».¹¹⁹

Шесть месяцев спустя, осенью 1944 г., Владимир Иванович писал: «Я думаю, что Великобритания, Китай, Индия, Россия и США будут иметь в ближайшее /время/ ведущее значение для человечества... Конечно, я был бы очень рад твоему приезду, но мне хочется видеть Таничку и Ниночку, кончить жизнь при внучке.

Обдумывая свою жизнь, я вижу, чувствую связь поколений. На всех наших семьях до сих пор чувствуется прошлое, жизнь предков. Я считаю большой ошибкой, непонятно почему, у нас остановилась работа по генетике, науке большого будущего».¹²⁰

К сожалению, ни своих детей /Георгия и Нину/, ни дорогую внучку Танечку «любящий дед и отец», как он обычно подписывал свои письма, так и не увидел. Одно время казалось, что судьба благоприятствует семье Вернадских. Осенью 1944 г. советское правительство проявило акт редкого милосердия и человечности,

¹¹⁸ В. И. Вернадский – дочери Н.В.Толь, 18 января 1944 //BAR. Vernadsky Papers. Box 228.

¹¹⁹ В. И. Вернадский – сыну, 11 апреля 1944 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 12.

¹²⁰ В. И. Вернадский – сыну, 6 октября 1944 г. //BAR. Vernadsky Papers. Box 12.

разрешив бывшему «врангелевцу» посетить больного отца. Оба правительства без обычных проволочек немедленно оформили визы, и Г. В. Вернадский уже готовился к перелету на самолете из Монтаны в Москву через Северный полюс, когда получил телеграмму о смерти отца.¹²¹

Уже после окончания Второй мировой войны к Г. В. Вернадскому пришло, наконец, полное профессиональное признание в Америке. Напомню, что с момента поступления в Йел он оставался на должности простого научного сотрудника. Лишь после того, как он начал вести серьезные переговоры о переходе на работу в Лондонскую школу славянских исследований, «скандальная ситуация» была исправлена.¹²² В 1946 г. в возрасте 59 лет и спустя 20 лет после поступления в Йель Г. В. Вернадский стал профессором, минуя звания ассистента и доцента, и в этой связи университету пришлось сделать его своим «почетным магистром». По справедливому замечанию Ч. Гальперина, звание и статус Вернадского стали, наконец, соответствовать его достижениям.

¹²¹ Halperin Ch. J. Op. cit., p. 85. По мнению американского исследователя Г. В. Вернадскому так никогда не удалось побывать на своей родине. Этот вопрос, однако, нуждается в дополнительной проверке. Во всяком случае, в моей памяти сохранился рассказ Е.М.Двойченко-Марковой, с которой я встречался в Москве в 1960-х годах и расспрашивал о Г. В. Вернадском, которого она хорошо знала и с которым регулярно поддерживала связь. Если мне не изменяет память, Ефросиния Михайловна упоминала о пребывании Вернадского в Москве. В частности, она рассказывала, что, находясь в Москве Георгий Владимирович соблюдал крайнюю осторожность и предупреждал, что, если с ним что-либо случится, то следует иметь в виду, что он американский гражданин. Вместе с тем, ему было приятно, что его отца в СССР знают и помнят. Его именем названы один из главных проспектов города и станция метро «Проспект Вернадского».

¹²² . Halperin Ch. J. Op. cit., p. 78.